

Васюганье

Сколько грустных и добрых воспоминаний осталось у меня об этом крае!

Север... Короткое лето и долгая снежная и морозная зима. Куда ни посмотришь – кругом тайга, болота и вода. Казалось

бы, что может быть хорошего в этом суровом крае? Но это не так.

Васюганье богато лесом, зверьём, птицей и рыбой. А какое разнообразие ягод! Черёмуха, брусника, черника, голубика, клюква, малина, костяника, морошка, шиповник. В урманах кедровый орех и очень много грибов.

Вот в такой глуши и затерялся наш маленький посёлок Седельниково на берегу реки Васюган, где стояло с десятков деревянных домишек и где весной, в разлив, вода подходила к самым окнам, а жители до схода воды оставались на острове. Название посёлка Седельниково осталось от фамилии старожилы – Седельникова, которого в 1935 году уже не было в живых. А заполнили этот посёлок ссыльными.

Беспаспортные и бесправные люди, которые жили, работали и умирали под надзором комендатуры. Все они объединялись в колхоз «Красный факел» и занимались тяжёлым физическим трудом – раскорчёвкой леса под поля, рыбной ловлей и охотой. Этот изнурительный труд давал мало пользы: земля была песчаная и всходили на ней только сорняки. Люди жили впроголодь. На трудодень доставалось не более 100 граммов гороха и 40–100 граммов овса или ржи. И только картофель и рыба спасали людей. При такой жизни нам, детям, рано пришлось познать, что такое труд, какова его цена. Родители за свою жизнь многое вынесли и перестрадали: ссылки, непосильный труд, большая семья – всё это вынуждало много и постоянно трудиться. Мать и отец были малограмотны.

Отец приходил с раскорчёвки леса поздно и, чтобы прокормить семью, садился в обласок (долблёная лодка), брал нас с братишкой на озёра ставить сети и ловушки на рыбу и птицу, а утром, до работы, он ехал и собирал улов.

В посёлке школа была только до 4-х классов, и многие дети ограничивались этим, потому что семилетка была только в

Среднем Васюганье (это около 40 километров). Однако попасть туда – это одно дело, а другое – на что жить и что надеть на себя? Поэтому, окончив 4 класса в своей деревне, дети оставались работать в колхозе: пахали, боронили, косили и убирали сено, рыбачили.

Когда наша семья приехала в Васюганье, мы поселились на самом краю деревни Седельниково в маленькой старой избёнке. Отец её подправил, залатал соломенную крышу, выправил печь и трубу. Мне было около 7-ми лет, братишке – 5, а первая сестрёнка только родилась. Отец с матерью работали и зимой, и летом. Зимой дрова пилили, дранку драли, летом – корчёвка, пахота, посевная, рыбалка. Трудно жилось нам. Разутые, раздетые, полуголодные – так мы выглядели в то время. Особенно досталось нашей сестрёнке: отец и мать на работе, а она с нами. Как ни наказывает мать смотреть за ней, но где там! Ведь мы тоже дети, бросим её – и на улицу. Кто ни спросит, где же сестра, ответ один: «Спит». А её то комар ест, то из качалки выпадет, то мокрая. Но, слава Богу, подросла наша Ниночка, гоняла с нами на улице, лазила по деревьям, удила рыбу, свистела, как мальчишка, а училась в школе лучше всех.

Сталинское руководство сдавало свои позиции с боем, особенно в отдалённых местах вроде Васюганья, и желало бы держать народ в своём повиновении вечно под комендатурой, как бессловесное стадо. Все мы реабилитированы были ещё в 40-х годах, а мать с сёстрами, братишкой и дедом выехали к отцу в Новокузнецк только в 1950 году. Паспорта же получили в 1952-54 годах. Более 10 лет местные власти скрывали от людей то, что они свободны, имеют право на выезд в любой конец Союза, право на приобретение паспорта.

Куба

В мае 1962 года меня вызвали в штаб дивизии города Днепропетровска и предложили перейти на партийную работу (я в то время был командиром взвода в/части 26709 города Запорожье). Назначили меня заместителем командира по политчасти ракетно-технической батареи, которая только начала комплектоваться в Днепропетровске. Жена моя с двумя детьми осталась в Запорожье в коммунальной квартире в комнате 16-ти квадратных метров. Перед отъездом мне разрешили навестить семью. И вот вскоре пришёл приказ срочно вернуться в свою часть, иметь при себе 100 рублей, бельё и продуктов на 2–3 дня.

Воинская часть, в которую входила моя батарея, также была сформирована в городе Днепропетровске по военному времени. Нас погрузили на железной дороге и отправили эшелоном, но куда и на какой срок – никто не знал. На все вопросы ответ один: командировка на три-четыре месяца. Своим семьям мы тоже ничего конкретного объяснить не могли. Ночью эшелон прибыл в город Николаев. Всему личному составу – от солдат до генерала – выдали штатское обмундирование, военное же приказано было спрятать в вещмешки и взять с собой. Погрузили нас в военную технику на сухогруз «Вавилов». Рядовой и сержантский состав поместили в трюм, а офицеров распределили по каютам вместе с обслуживающим персоналом судна. Меня подселили в каюту к коку. Будучи уже и на корабле, мы не знали, куда плывём и что нас ожидает. И только по выходе в Атлантику капитан корабля вскрыл пакет и объявил, что мы идём на Кубу.

На Кубе победила революция. Но чтобы удержать власть, необходима сила, которая заставила бы США отказаться от своей затеи задушить Кубу экономической блокадой и силой.

Поэтому наше правительство и двинуло нас под большим секретом на защиту кубинской революции. Узнав, наконец, куда мы идём, я написал жене письмо и начал упрашивать кока, чтобы по прибытии в Россию, в Одессу, он бросил письмо в почтовый ящик. Он долго не соглашался: их тоже строго предупредили. Но решил попытаться. Бросил письмо в Одессе в почтовый ящик, и моя жена его получила. По её рассказу, все женщины сбежали к ней и узнали, что их мужа в опасной командировке. То, что командировка опасна, это правда, нас списывали, и только благодаря разуму с обеих сторон вопрос Кубы был решён мирным путем. Нам и нашим семьям повезло.

До острова Куба мы шли восемнадцать суток. В пути многие болели морской болезнью. Вал в некоторые дни достигал шести-восьми баллов. Жара в 40–42 градуса совсем изматывала личный состав. Днём никому не разрешалось выходить наверх, и только ночью вылезали все на палубу сухогруза и отдыхали от дневной жары. Днём нас постоянно сопровождали иностранные суда и разведывательные самолёты США. Они буквально висели над сухогрузом и фотографировали. Но палуба была пуста. Личный состав, ракеты и всё вооружение находилось в трюмах, а наверху была только сельскохозяйственная техника. Авиация и военные корабли США покрутятся над нами или около нас и уходят. Затем снова появляются.

А мы, не сбавляя скорость и не меняя направления, шли к цели – к острову Куба. Кроме кораблей и самолётов, нас всё время сопровождали стаи дельфинов. Иногда в отдалении появлялись и киты. Дельфины, сопровождая нас на протяжении всего пути, подходили к самому борту корабля – то взмывали высоко над водой, то снова уходили в глубь океана. Многие из нас видели океан впервые. Поэтому всё это было нам

очень интересно. Но вот показалась земля, и нам сообщили, что это Куба.

По прибытии в порт началась спешная разгрузка. Под прикрытием ночи и лесов был сделан марш-бросок. Наш полк, вернее, управление полка развернулось в шестнадцать километров от Гаваны. Моя батарея и огневой дивизион, который мы должны были обслуживать, остался на берегу Карибского моря в небольшом порту. По временному и скорому расположению мы поняли, что нас перебросят в другое место. Так оно и вышло: четыре дня мы простояли, а на пятый нас снова погрузили на баржу и отправили на остров Пинос, что в ста километрах от Кубы.

Пока мы стояли, произошло несколько происшествий. Ночью одного солдата укусил скорпион. Наши врачи не знали, что делать в таком случае, и парня срочно отправили в дивизию. Вскоре и второго солдата постигла та же участь, и наши врачи сделали ему операцию, вырезав кусок тела на месте укуса. Позже кубинцы сообщили, что в осенний период укусы скорпионов не страшны. Два-три дня держится опухоль, а потом всё проходит. А вот в феврале-марте укусы скорпиона опасны.

Остров Пинос в размерах сорок на сорок километров. Здесь в основном преобладает сосновый лес, много цитрусовых деревьев. В изобилии птиц и зверей. На острове располагалась тюрьма – весь преступный мир Кубы содержался там. Фидель Кастро ссылал туда не только преступников, но и ликвидированную проституцию на Кубе. Организовал при тюрьме школы. Здесь готовили шофёров, машинисток, связистов, работников кулинарного искусства и торговли. До революции остров Пинос был местом развлечений американцев. Красивые отели, отгороженные от акул пляжи, бары, стрельбища, яхты, прекрасные дороги. Остров находился на расстоянии 60-ти километров от Южной Америки.

На острове я пробыл шесть месяцев, а затем батарею подчинили дивизиону и замполит остался один. Меня направили на Кубу и назначили заместителем командира ракетного дивизиона по политчасти. Дивизион стоял на берегу Карибского моря и нёс дежурство. Здесь личный состав располагался в казарме, а офицеры жили в домике. Командир дивизии, подполковник Сергеев, служивший до этого на дальнем Севере, постоянно был пьян. Мне вскоре присвоили звание капитана. Пока нас не раскрыли, что мы военные, нам не разрешалось никуда выходить из городка, но потом стало возможным организовано выходить в город на уборку тростника.

Нам, русским, на Кубе было всё в диковинку: зимы нет, круглый год зелень, цветы. Скот пасётся также весь год, поэтому заготавливать корма не надо. Жилища строят из лёгкого материала, отопления не надо, за исключением каминов и электроприборов. Зима на Кубе длится с декабря по февраль. Но минусовой температуры нет. Однако очень высокая влажность, дожди идут почти ежедневно. Казалось бы, курортное место, но мы все тосковали по дому, по России, и ждали, когда же эта командировка закончится. И нам повезло.

Главы правительств пришли к разумному решению, а именно: США сняли блокаду с Кубы, а мы вывезли ракеты с боеголовками и убрали самолеты ИЛ-28. Обстановка разрешилась. Не было уже необходимости держать нашего брата на Кубе. Я учился заочно в Крымском институте на предпоследнем курсе и попал в число отправленных в Россию.

В октябре 1963 года мы отплыли на океанском корабле «Грузия». Проходили через порты Германии, Польши в Ленинград, а затем поездом в город Запорожье. Итак, моя командировка продлилась для меня на год и три месяца. Она была опасна не только для нас, но и для всей России, для всего мира. Слава Богу, разум победил, мир спасён!